

Глава 22. На такой мощной груди сложно нащупать точки

— Ты ещё и лечить умеешь? — спросил Цинь Шэнь.

Еян Цы открыл глаза и отпустил руку князя.

— Так, по верхам нахватался. Моя младшая сестра — искусный лекарь, и в детстве я немного учился у её наставника, но так и не смог постичь эту науку, поэтому бросил. С мечом у меня получается лучше.

Цинь Шэнь усмехнулся:

— И что же ты, трёхгрошовый лекарь, нащупал?

— Болезнь ваша, князь, проникла в лёгкие, — ответил Еян Цы. — Если не лечить, она усугубится, и тогда вы будете подвластны уже не лекарям, а Владыке Преисподней.

Он встал, достал из-за пазухи два фарфоровых пузырька и высыпал из каждого по две пилюли. Перед отъездом из столицы Еян Гуй собрала ему большой мешок с лекарствами на все случаи жизни, и содержимое этих сосудов было как раз от лёгочной лихорадки.

У окна стояла небольшая глиняная печь для варки снадобий. Молодой человек взял медный ковш с длинной ручкой, растопил в нём пилюли с водой на углях и вылил в пустую чашу на столе. Получилась чёрная, дурно пахнущая жидкость.

Он взял чашу, снова подошёл к кровати, сел и, помешивая отвар фарфоровой ложкой, с лукавой улыбкой посмотрел на Цинь Шэня.

— Лекарство это горькое, проглотить трудно. Как прикажете, князь: вливать силой или уговаривать сладостями?

Фарфоровая ложка постукивала по краю, издавая чистый, звонкий звук, словно трескался лёд. Грудь Цинь Шэня отзывалась на этот перезвон болью. Он перевёл дыхание.

— По-моему, ты хочешь меня отравить.

— Яда нет, смотрите, — Еян Цы терпеливо размешивал отвар, зачерпнул ложку, попробовал сам, а затем поднёс чашу к губам пациента, сдёрнул повязку и с насмешкой произнёс:

— Саньлан, пора пить лекарство.

Резкий запах ударил Цинь Шэню в лицо. Он нахмурился и сурово выкрикнул:

— Дерзость!..

Но кончик ложки уже проник за его зубы, и горькая жидкость хлынула в рот, взрываясь неприятным вкусом.

— Ну вот, одна ложка или целая чаша — разницы нет. Лучше зажать нос и выпить залпом.

Еян Цы, пользуясь моментом, приподнял дно сосуда и влил в него остатки отвара.

Цинь Шэнь чуть не выкашлял лёгкие. Он согнулся, уткнувшись лбом в одеяло, и сжал его края так, что побелели костяшки. В этот момент он был готов убить.

Собеседник начал гладить его по спине и заметил, что плечи у того были гораздо шире, чем у обычных людей. Мышцы были чрезвычайно развиты, и при кашле они перекатывались, словно горные хребты. Неудивительно, что он с лёгкостью натягивал тугой лук в пять даней.

Когда самый сильный приступ прошёл, князь, тяжело дыша, попытался выпрямиться, но Еян Цы одной рукой придержал его за шею, а другой надавил на лопатки.

— Не двигайтесь. У меня и так сноровки мало, уколою не туда — парализует.

Он наклонился и стал нащупывать точки вдоль позвоночника Цинь Шэня.

Голова князя оказалась зажата между одеялом и чужой грудью. Стоило ему приподнять затылок, как он упирался в кадык Еян Цы. Нос был полон горького запаха, в котором едва угадывался аромат цветов сливы — словно спасительная лодка в море горечи.

Он чувствовал, как тёплое и нежное дыхание Еян Цы касается его шеи, словно смертоносное лезвие, проникающее в самую душу, превращая всё холодное и твёрдое внутри в тающий лёд.

Иглоукалывание в исполнении гостя было неумелым, но рука оставалась твёрдой. Первая игла вошла в точку Фэй-шу, через тонкий шёлк одежды, на три фэня вглубь. Вторая и третья — в точки Да-чжуй и Фэн-мэнь. Он медленно вращал стержни кончиками пальцев.

Тянущее онемение распространилось от шеи по всему телу. Плечи Цинь Шэня мелко задрожали.

— Не больно, не больно, — успокаивающе проговорил Еян Цы. — Эти несколько уколов снимут жар, согреют лёгкие и успокоят кашель. Ночью будете спать лучше.

Это была не акупунктура, а пытка. Пытка без боли, которая вскрывала его, согревала и плавила, заставляя сухие ветви пускать почки.

«Я чувствую трепет страха и одновременно — странной радости», — Цинь Шэнь не мог до конца осознать свои ощущения.

Неизвестно, сколько времени прошло. Лекарь-самоучка вынул иглы из его спины, откинулся назад и с облегчением вздохнул. Князь медленно приподнялся. Лицо его было суровым.

Еян Цы заподозрил, что ошибся с точками, но потом решил, что вряд ли — в худшем случае, подвела глубина. Он коснулся точки Чи-цзэ на локтевом сгибе собеседника и осторожно спросил:

— Князь, может, сюда ещё один укол? Расслабит мышцы, прочистит лёгкие и горло.

— Может, мне ещё и в макушку иголку воткнуть? — холодно ответил Цинь Шэнь.

— В точку Бай-хуэй? — Еян Цы, вспомнив медицинские трактаты, неуверенно произнёс: — Это ведь жизненно важная точка... Если бы у князя был удар или слабоумие, я бы, конечно, мог попробовать эту рискованную процедуру.

Князь стиснул зубы:

— Ты это серьёзно рассматриваешь?

— Ах, так ведь вы сами спросили, — Еян Цы взял его за руку, закатал рукав выше локтя, помассировал нужную зону и решительно ввёл иглу. — Лекарство, хоть и горькое, нужно пить дважды в день, не пропуская, как минимум семь дней. В сочетании с процедурами, думаю, вы поправитесь.

Цинь Шэнь смотрел на его опущенные ресницы. Повязка скрывала лицо целиком, словно туман, и невозможно было разгадать чужие мысли.

— Еян Цы, — позвал он.

— М-м? — тот сосредоточенно вращал иглу.

— ...Цзеюнь, — тихо добавил Цинь Шэнь.

— М-м, — так же тихо отозвался собеседник.

— Чего ты на самом деле хочешь?

— Я хочу... спасти жизнь князю, а потом потребовать благодарности.

— Какой благодарности? — Цинь Шэнь задумался и спросил: — Денег хватит?

Еян Цы взглянул на него с ноткой досады:

— Сегодня вы уже третий, кто это предлагает! У бедняков тоже есть гордость.

Нащупав его предполагаемое слабое место, Цинь Шэнь, словно измученный пытками человек, нашедший укрытие, обрёл временную опору.

«Требовать благодарности — это хорошо, — подумал он. — Сделки должны быть чёткими, взаимовыгодными и не оставляющими долгов».

— Сколько ещё нужно? Что возьмёшь в залог?

Еян Цы вынул иглу:

— Остались последние две точки. Прошу князя раздеться.

Цинь Шэнь замер.

— Раньше ты вводил иглы, не требуя этого.

— Так ведь я же дилетант. Точки на спине можно нащупать через ткань. А на груди — сложнее, особенно если мышцы так развиты.

— А чем плохи развитые мышцы?

Еян Цы, держа инструмент в руке, поднял на него невинный взгляд.

— Князь пытается меня соблазнить? У вас, князь, грудь мощная, а я, увы, робок, да к тому же содомит. Вдруг я, нащупывая, восплаю страстью, которую вы не пожелаете утолить? Что мне тогда делать?

Цинь Шэнь вдохнул, потом ещё раз. Гнев так разжёл его сердце, что боль в костях, казалось, утихла.

— Хорошо, раздевай, — процедил он сквозь зубы.

— Лучше уж вы сами, князь. Если возникнут недоразумения и дело дойдёт до суда, так будет проще доказать мою невиновность.

Цинь Шэнь сжал кулаки так, что хрустнули суставы, и с мрачным лицом распахнул ворот своей одежды.

Взгляд Еян Цы невольно приковался к его торсу. Недаром он был сыном маршала Циня, прозванного «Алмазным Буддой». Такое мощное телосложение было отчасти даром природы, а отчасти — результатом многолетних тренировок.

— Я буду вводить иглу в точку Тянь-ту, она находится между ключицами... — кончики пальцев лекаря коснулись ямки. Кадык князя дёрнулся, и отступивший было жар вернулся с новой силой.

Серебряная игла вращалась у основания его шеи. Еян Цы наклонился близко, и даже сквозь повязку его дыхание ощущалось на подбородке, лёгкое и туманное, как ветер февраля.

Холодный аромат сливы смешивался с кисло-сладким запахом цитрусов — это был медленный яд, против которого бессильны любые средства. Цинь Шэнь, сдерживая дыхание, чувствовал, как поднимается и опускается его грудь.

— Последняя игла — в точку Шань-чжун. На меридиане Жэнь-май, в центре линии, соединяющей соски... — пальцы Еян Цы точно нашли это место и надавили, не сильно, но и не слабо.

Глаза Цинь Шэня налились кровью.

— Иглу, а не руки! — сдавленно произнёс он.

На этот раз острие вошло глубже.

В иглоукалывании есть методы «восполнения» и «очищения». При лёгочной лихорадке следовало «очищать», выводя жар: быстрое введение, медленное извлечение, частое вращение.

Молодой человек применил технику «Толочь в ступке цзы-у». «Цзы-у» — вращение влево и вправо; «толочь в ступке» — движения вверх-вниз. Сначала глубоко, потом мелко, лёгкое введение, сильное извлечение, частые движения, большая амплитуда. Суть метода — «тысяча вращений иглы — и болезнь сама уйдёт».

Эта тонкая серебряная игла бушевала в его груди. Цинь Шэнь невольно мелко дрожал, мышцы

его плеч напряглись, как железо.

— Расслабьтесь, — сказал Еян Цы, продолжая манипуляции. — Слишком напряжены, так не войдёт. Князь забыл, что я самоучка?

Князь хотел вырвать иглу и сбежать, но не желал признавать поражение. Он был пленён тысячами нитей неутолимого желания, так же, как и в этой глубокой резиденции, где со всех сторон его давили и контролировали.

«Я не могу просто надеяться на освобождение, — размышлял он, глядя в пустоту. — Я должен выпрыгнуть из этого колодца, взлететь в небо и, обретя великую силу, вернуться, чтобы растоптать все пути. Только так можно обрести свободу».

А до тех пор — что такое желание, что такое любовь? Их можно использовать, но нельзя им поддаваться. Тяжёлое, прерывистое дыхание Цинь Шэня постепенно выровнялось. Он опустил взгляд и увидел, как Еян Цы вынул иглу и вытер её о кусок ткани.

— Эти несколько уколов лечат одышку, успокаивают сердце и снимают боль. Попробуйте потянуться, князь, грудь болит меньше?

Цинь Шэнь расправил плечи и руки. Боль действительно утихла.

— И это ты называешь «самоучкой»?

— Смотря с кем сравнивать, — тихо рассмеялся юноша. — Я действительно знаю лишь основы.

Он убрал инструменты в мешочек, спрятал его за пазуху и оставил на столе два пузырька с лекарством.

Князь оделся.

— Остайся в резиденции на несколько дней, чтобы продолжать лечение. Я щедро заплачу.

Еян Цы ответил:

— Весенняя пахота почти закончена, я могу остаться на четыре-пять дней, но вам придётся держать своих кошек и собак подальше от меня. Кроме того, я велю своим подчинённым присылать сюда документы, требующие моего внимания, так что вам нужно будет открыть боковую калитку. И ещё: я не буду бесцельно бродить и совать нос в чужие дела, но и не буду постоянно оглядываться. Если в резиденции есть что-то, что не предназначено для посторонних глаз, лучше спрятать это понадёжнее.

— Хорошо. У меня тоже есть одно требование.

— Слушаю.

— В следующий раз одежду будешь снимать ты.

Еян Цы на мгновение замер, а потом рассмеялся:

— Князь, видимо, привык, чтобы ему прислуживали. Что ж, хорошо. Только не обвиняйте меня потом.

Он не ожидал, что в следующий раз Цинь Шэнь наденет четыре слоя одежды. В тёплой весенней комнате, на кровати, он снимал с него одежду слой за слоем, так близко, что их дыхание смешивалось. А Цинь Шэнь смотрел, как тот его раздевает, чувствуя, как нарастает прилив, и сдерживая его, превращая искушение в точильный камень для своего духа.

Внешне князь, несомненно, закалился, как клинок. Он был спокоен, сдержан и невозмутим.

Но сны не подчинялись разуму. В них мелькали яркие образы, снежная белизна и весенний аромат, всё переворачивалось с ног на голову.

Цинь Шэнь проснулся от бури желаний, покрытый лёгкой испариной. Он немного покашлял, накинул халат и вышел из спальни. Пройдя по длинной галерее, он увидел, что в боковом флигеле всё ещё горит свет, и на оконной бумаге отражается силуэт человека, склонившегося над столом.

Он постоял некоторое время, разглядывая тень, а затем резко повернулся и ушёл.

У дверей спальни он встретил Цзян Ко, пришедшего с донесением. Командир тоже только что проснулся, и на его одежде были видны следы поспешных сборов. Он протянул запечатанное письмо.

— Князь, из столицы пришло донесение с припиской: «Государственная политика скоро изменится, готовьтесь заранее».

Цинь Шэнь тут же вскрыл письмо и, читая, становился всё мрачнее. Он немедленно отдал приказ:

— Император собирается забрать все права на добычу полезных ископаемых и запретить частную разработку. Немедленно прекратить подготовку к разработке той железной рудной жилы, что недавно разведали на линии от Учэна до Цихэ. Всех людей отозвать, место привести в первоначальный вид.

Цзян Ко не знал подробностей, но приказ господина был для него законом. Он тут же стал думать наперёд:

— А что с тем серебряным рудником на северо-западе префектуры Цзинань, у реки Дацинхэ? Его ведь императорским указом пожаловали роду князя Лу в качестве одной из компенсаций. Хоть он и не богат, но все эти годы мы исправно платили налоги. Неужели и его заберут? Все прежние обещания ничего не стоят?

— Какие обещания? — сказал Цинь Шэнь. — Снег на вершине горы и то долговечнее. Эта реформа горного дела в первую очередь затронет интересы великой княжны. То, что эта новость просочилась, означает, что император уже нашёл на неё управу — либо силой подавил, либо выгодой перекупил.

— Значит, серебряный рудник Дацинхэ действительно не удержать? — с горечью произнёс Цзян Ко. — Столько лет трудов, от обустройства до оборудования — всё за наш счёт. А теперь двор просто приходит и забирает, срывает готовые плоды!

Князь бросил тайное письмо в огонь:

— Вся земля под небесами принадлежит императору. Он может срывать плоды, как ему заблагорассудится. Увидишь, не только мы, но и второй брат лишится своего богатого золотого рудника в Чжаоюане, что в Дэнчжоу.

— Шаньдун — край богатый ископаемыми, здесь много частных разработок. Если двор внезапно заберёт всё, все вложения владельцев рудников пропадут даром. Это неминуемо вызовет волнения, — раздался ясный голос, и из галереи появилась фигура с фонарём в руке.

Цзян Ко положил руку на рукоять меча. В его глазах убийственное намерение смешалось с глубоким сожалением.

— Господин Еян!

Обычно в резиденции князя Гаотана гостей на ночь не оставляли. И командир, докладывая Цинь Шэню, не всегда делал это в тайной комнате. А этот человек, оставшийся на ночь вопреки всем правилам, бродит в темноте и бесшумно подкрадывается к ним. Его действия подозрительны.

Хотя князь и не говорил ничего крамольного, но та железная рудная жила была тайной от двора. Если об этом донесут, то обвинение в том, что член императорской семьи тайно добывает железо для вооружения армии с целью мятежа, будет крепко пришито недоброжелателями.

Этот Еян Цы... человек новый, с ним не связаны ни узы дружбы, ни общие интересы. Для князя

он — смертельная угроза. Как ни жаль, но оставлять его в живых нельзя!

Цзян Ко крепче сжал рукоять, и блестящий клинок медленно начал выходить из ножен.

Холодный блеск, казалось, заставил затрепетать даже пламя фонаря. Ночной ветер завыл в галерее, и в воздухе запахло смертью.

<http://bllate.org/book/15875/1441285>